

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

НОЧЬ НА ГРОБАХЪ

ПОДРАЖАНІЪ ЮНГУ

Князя Сергія Шихматова,

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ, И БЕСЪДЫ
ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

ImWerdenVerlag
München 2007

Благослови, Душа моя! Господа,
избавляющаго отъ ислѣнїя животь твой.
Псаломъ 102.

Блаженъ, кто въ мїрѣ семъ воюя съ суетами,
Скучая пышными ничтожества мечтами,
Для отдыха души, охотно каждый день,
Спѣшитъ подъ смертную, безмолвну, мрачну тѣнь,
Къ усопшей братїи, подъ вѣтвія унылы!
Кто любитъ посѣщать пустынныя могилы,
Между гробами жить, и взвѣшивать свой прахъ,
И вѣрой исторгать изъ сердца смертный страхъ,
И въ смерти почерпать безсмертія доводы!

Уже скончался день, и вечеръ кануль въ воды,
И перлы по лугамъ разсыпались въ росѣ;
Нисходитъ свѣше Ночь, во всей своей красѣ;
Вмѣщающа въ себѣ величество съ прїятствомъ,
Явилась въ небесахъ со всѣмъ ея богатствомъ,
Со всѣми строями безчисленныхъ мїровъ:
Волнисты облака, истканны изъ паровъ
Художествомъ драгимъ всеильныя десницы,
Порфира у нея, достойная царицы,
Воскриліемъ своимъ касается землѣ;
Въ подобїя вѣнца, сверкають на челѣ,
Какъ камни честные слѣянныя рядами,
Славнѣйшія изъ звѣздъ, изъ славныхъ межъ звѣздами,
И блескомъ трепетнымъ какъ искры свѣтятъ въ долъ
Возсѣла съ тишиной на черный свой престоль,
И скипетръ отъ свинца простерла надъ вселенной.
Живитель сладостный природы утомленной,
На легкихъ крыліяхъ летитъ врачебный Сонъ,
Плѣняетъ смертныхъ всѣхъ подъ кроткїй свой законъ,
И подвергаетъ мїръ своей отрадной власти;
Уснули суеты, и воздремали страсти,
Забылись горести, отъ слезъ едва преставъ;
И крѣпость немощнымъ вливается въ составъ.
Безмолвствуютъ земля и воздухъ и пучина,
Какъ будто общая приближилась кончина;
Природа кажется движенья лишена,
И все твореніе покоитъ тишина.

Затмились призраки блестяшіе при свѣтѣ,
И смертнаго душа, сама съ собой въ совѣтѣ,
Избавясь, разрѣшась, отъ видимаго зла,
Предъ строгой совѣстью цѣнить свои дѣла,
Въ доброты собственны вперяетъ мысль прилѣжну,
И къ вѣчности летитъ чрезъ временность мятежну,
Чрезъ море бурное въ незыблемый покой;
Ликуеть разумомъ средь родины драгой,
И сими пользуясь небесными часами,
Вкушаетъ на землѣ общенье съ небесами.

И я ли потерплю вращаться на одрѣ,
Когда мой бодрый духъ возносятся горѣ,
Къ лучамъ премудрости, свѣтитъ ему готовымъ?
О Сонь! не возбраняй моимъ восторгамъ новымъ;
Собравъ вокругъ себя всѣ радостны мечты,
Спустись подъ низкій кровъ стѣнящей Нищеты,
Плачь въ сердце усыпи, сомкни слезящи вѣжды,
Отчаянной являй отрадныя надежды,
И силы обнови къ томительнымъ трудамъ;
А я, ни внѣшнихъ чувствъ нечувствію не вдамъ,
Объемля сердцемъ міръ, объятый тишиною,
Возвыситься потщусь надъ брэнностью земною,
Учиться разуму, отвергнувъ буйство прочь.
Подруга Мудрости, способствуй мнѣ, о Ночь!
И направляй мои стремленія отважны;
Ты Юнгу на гробахъ вдыхала мысли важны,
Когда, паря умомъ, сей Мудрости пѣвецъ,
Безсмертію души безсмертный плелъ вѣнецъ:
Въ ученіи его горитъ небесный пламень,
И силою своей растаяваетъ камень,
Безбожныхъ хладныя, жестокія сердца;
И нудитъ ихъ познать, хвалить, любить Творца.
Ученіемъ его согрѣтый, вдохновенный,
Я въ слѣдъ ему стремлюсь, не въ мѣру дерзновенный,
И ежели, о Ночь! преткнуся на пути,
Ты мрачный свой покровъ на стыдъ мой опусти.

Се нива Божія, насѣянна тѣлами!
Виситъ надъ нею тма, – и черными крилами,
Надъ спящимъ множествомъ наводитъ страшну тѣнь,
И ждетъ когда придетъ ужасный, вѣчный день,
Который осіявъ пещеры мертвыхъ темны,
Затмитъ сіяючи величія наземны.
Здѣсь взоръ недремлющій лишь слышитъ тишину;
Чуть мраморы, сквозь мглу, мелькаютъ часты, блѣдны,
Престолы Смерти злой и знаменья побѣдны,
И всѣ безмолвствуя вѣщаютъ мнѣ мой рокъ.
По дремлющимъ древамъ летаетъ вѣтерокъ,
И шорохомъ листовъ и вѣяньемъ шумливымъ,
Задумчивость зовешь къ мечтаніямъ страшливымъ;

Здѣсь время съ вѣчностью сошлися на земли,
И міръ вещественный съ духовнымъ сопрягли;
И здѣсь изъ нѣдръ земныхъ, сквозь каменные своды,
Я слышу съ трепетомъ священный гласъ природы:
«Живущій, ты умрешь! Будь въ мысляхъ бодръ и строгъ
«И гордости своей сломи высокій рогъ.»

О тлѣнія удѣлъ! рушенія жилище!
Уму надменному приличное гульбище!
Не весь ли шаръ земный подобится тебѣ?
Народы безъ числа вмѣщаетъ онъ въ себѣ,
Вмѣщаетъ вновь и вновь, и дмится непрестанно;
И все его лице, обширно и пространно,
Корою облеклось изъ труповъ и костей;
Моря его текутъ по черепахъ людей,
И грады зиждутся отъ каменій надгробныхъ;
Мы жнемъ насущный хлѣбъ отъ персти намъ подобныхъ,
И сею перстію земля пресыщена:
И мѣста нѣтъ на ней не бывшаго могилой.
Трепещеть цѣлый міръ предъ страшной Смерти силой,
Предъ ужасомъ ея подъ солнцемъ торжества.
И солнце въ небесахъ, сей образъ Божества,
Всесильнымъ предано ея державной волѣ,
И солнце нѣкогда сорветъ она оттолѣ.
И вы, о свѣтлые, небесные Огни!
Сверкаючи серебромъ въ полунощной тѣни,
Отъ хищности ея и всѣ вы не изъяты;
Но лютая, имѣвъ добычи толь богаты,
До времени судьбы оставя горній сводъ,
Ревнуетъ поражать словесныхъ слабый родъ,
Надъ нами истощать свой тулъ неистоцимый,
Падуть – и властелинъ, вселенною служимый,
И самый низкій рабъ – всѣ брєніе одно. –
Средь хлябій водъ морскихъ теряются равно,
Безвѣстные ручьи и громки въ міръ рѣки;
Такъ въ смерти равными творятся человѣки.
Очами разума во гробы я проникъ:
Кто нищъ, и кто богатъ; кто малъ, и кто великъ?
Гдѣ гордое чело, гдѣ образъ величавой,
На коихъ златъ венецъ покоился со славой,
На коихъ съ трепетомъ, страны и племена,
Читали жребій свой на многи времена?
Гдѣ прелесть красоты, соборъ очарованій,
Къ которой каждый мигъ, на крыліяхъ желаній,
На крыліяхъ любви, съ восторгомъ безъ конца,
Парили юныя, пылаючи сердца?
Гдѣ сильная рука, которая громами,
Сражала смертныхъ въ персть, и тысящами и тмами,
И землю облила потоками кровей?
Все тлѣнія корысть! Все смрадъ и снѣдь червей!
О горестный конецъ! Видъ срамной, достослезной,

И жизни временной, и славы намъ любезной!
Для смертныхъ смертію ровъ пагубы изрытъ;
До ада углублень, какъ самый адъ несытъ,
Глощаетъ каждый мигъ бесчисленныя жертвы.
Мы зримъ – но буйные не мнимъ быть сами мертвы,
Какъ бы со смертію поставили завѣтъ:
Но смерть вступаетъ въ нас, лишь мы вступаемъ въ светъ,
И дѣлится съ жизнію всѣ наши дни и годы;
И нужны ли для насъ сей истиннѣ доводы? –
Гдѣ время прежде, гдѣ каждый прошлый часъ?
Увы! едва мелькнувъ, промчались мимо насъ
Въ пространство вѣчности, для мыслей необъятно;
Въ бездонной пропасти погрязли невозвратно!
Всѣ прочіе летятъ – еще единый мигъ,
И я до смертныхъ вратъ, до вечности достигъ,
И міръ исчезнетъ мнѣ со всею красотою,
И солнце будетъ мракъ, и звѣзды темнотою.
Какъ гибнетъ слѣдъ орла парящего къ звѣздамъ,
Громады корабля текуща по водамъ,
Зміи по камени віющейся волнами,
Такъ жизнь претекшая теряется за нами,
И развѣ въ памяти витаетъ въ видѣ сна.
Межъ мертвыхъ и живыхъ коль слабая стѣна!
Коль слабый щитъ живымъ отъ смертного навѣта!
Быть можетъ мигъ одинъ – быть можетъ многи лѣта,
Быть можетъ цѣлый вѣкъ – и все то мигъ одинъ.
Отринуть смерть свою не льстися, Исполинъ!
Вспячь море устреми, сдержи стремленье бури,
И солнцу вспячи катиться по лазури,
Но смерть остановитъ на день, на часъ, на мигъ,
Отчайся, Суетный! Коль рокъ тебя постигъ.
Со свистомъ окрестъ насъ летаютъ смерти стрѣлы,
Валятся всѣ и всѣ – и мы ли будемъ цѣлы?

Доколѣ, Смертные! забвеніе какъ тма,
Сокроетъ страшный часъ отъ вашего ума?
Доколѣ малостямъ стѣснять вашъ умъ обширный?
Премудрость здѣсь живетъ – отсель, какъ пастырь мирный,
Который пѣсню духъ скорбный веселя,
Изъ хижины своей взираетъ на поля,
Изъ нѣдра тишины взираю я на битву,
И вижу жаркую тщеславія ловитву,
Какъ суетныхъ людей волнуются толпы,
И рушатъ истинны оплоты и столпы.
Одни другимъ корысть, гонящи и гонимы,
Какъ лисы хитростны, какъ львы неукротимы,
Доколѣ всѣхъ ихъ Смерть, могущій сей ловецъ,
Въ желѣзну сѣть свою загонитъ наконецъ.
Предѣль сей положенъ Судьбою вѣчной, правой:
Въ богатствѣ ли плывемъ, паримъ ли къ небу славою,
Почіемъ ли склоняся подъ свѣтлый щастья щитъ,

Вся слава кончится симъ словомъ: – Здѣсь лежитъ!
И все величіе: – Земля отходитъ въ землю!

Глаголы истинны со трепетомъ я внемлю –
Но что? Съ умертвіемъ сей плоти моя,
Ужели я въ конецъ лишуся бытія?
Ужели тлѣнію душа прикосновенна,
И съ храминой своей равно исчезновенна?
На то ли я Творцемъ возванъ изъ ничего,
Да вдругъ ничтожество истинитъ меня всего?
Или свершится рѣчь глумителей развратныхъ?
Блуждая по стезямъ пороковъ имъ пріятныхъ,
Ослабивъ всѣ броды бунтующимъ страстямъ,
Упрекамъ совѣсти ругаясь какъ мечтамъ,
Они, и въ сердцѣ зломъ хулу вѣщаютъ тайно,
И явно вопіють: – «Родимся мы случайно,
Мелькнемъ и скроемся подобно снамъ пустымъ;
Какъ искра наша жизнь, дыханіе какъ дымъ;
Едва лишь искры сей угаснетъ блескъ ничтожный,
Престанетъ двигаться нашъ оставъ многосложный,
Падетъ, рассыплется и будетъ прахъ и пепелъ;
И духъ нашъ излетитъ какъ воздухъ вѣшній теплъ,
Какъ паръ разсѣется по дольному эѳиру,
И весь приложится къ вещественному міру.»

Прейти въ небытіе! – При мысли сей одной,
Отчаянье, какъ адъ зіяетъ предо мной,
По жиламъ и костямъ стремится трепеть хладной,
И сердце рушится отъ скорби безотрадной,
Но бурны помыслы, о Разумъ! утиши;
Персть Божій начерталь безсмертіе души,
Во всемъ созданіи и дольномъ, и небесномъ,
Въ душевныхъ качествахъ, въ сложеніи тѣлесномъ.
Пусть вникнетъ человѣкъ въ себя своимъ умомъ,
Достоинство свое прочтетъ въ себѣ самомъ:
Отъ всѣхъ земныхъ существъ колико онъ отличень!
Какъ небо надъ землею, надъ всѣми возвеличенъ!
Межъ тѣмъ какъ прочіе, несмѣтные въ числѣ,
И тѣломъ, и главою поникшіе къ землѣ,
Блуждаютъ взорами по смертной сей юдолѣ,
Да зрится разуму что въ небѣ нѣтъ имъ долѣ;
Одинъ лишь человѣкъ, прямой имѣя станъ,
Возносится челомъ ко свѣту горнихъ странъ,
Да презритъ суетность творенія земнаго,
И взыщетъ въ небесахъ свое верховно благо,
Да зритъ превыше звѣздъ отечество свое,
И вѣчнаго, Отца и вѣчно житіе.

Коль въ чувствахъ онъ богатъ! Онъ къ изрядствамъ средства,
Земля и небеса имъ преданы въ наслѣдство.
Онъ къ Зиждителю въ душѣ питаютъ жаръ,

Природы щедрыя вкушаютъ всякій даръ,
И всякій даръ творять, могуществомъ велики:
Плодамъ даруютъ вкусъ, дубравамъ стройны лики,
И солнцу свѣтъ златый, и злату блескъ лучей;
Одно малѣйшее отверстіе очей
Объемлетъ твердь сію, и всѣ ея свѣтили.
Безъ сихъ чудесныхъ чувствъ, безъ ихъ волшебной силы,
Хаосомъ и по днесъ казалась бы земля.
Онѣ рисуютъ намъ и пестрыя поля,
И холмы злачные, и сребренныя воды,
Небесную лазурь и всѣ красы природы;
И каждое гласитъ, и всѣ вѣщаютъ вдругъ,
Что человѣкъ душа всего, что зреть вокругъ.
Толико внѣшнія блестятъ его богатства!
Но славой выше сихъ сокрыты въ немъ изрядства,
Какъ ночи темныя блистательнѣе день.
Въ немъ Вображеніе, всемошной власти тѣнь:
Оно чрезъ цѣлый міръ преносится мгновенно,
И силой творческой отъ Неба вдохновенно,
Ревнуетъ подражать въ дѣлахъ своихъ ему,
Составитъ зрѣлища любезныя уму,
Природу превзойти своимъ искусствомъ чуднымъ.

Въ немъ Память хвалится богатствомъ неоскуднымъ:
Она, хотя бы палъ, погибъ бы цѣлый свѣтъ,
Сильна его воззвать изъ мрачной бездны лѣтъ,
И видъ его блюсти для мысли любопытной
Во блескъ красоты и славы первобытной.

Въ немъ Разумъ свѣтитъ, единый изъ лучей
Отъ Солнца мудрости, начала всѣхъ вещей.
Онъ требуетъ на судъ воображенье, чувства;
Изъ дани ихъ творитъ науки и искусства,
Правленіе, законъ, гражданской жизни честь...
Но разума труды возможно ли исчезъ?
Возможно ли изречь тѣлесному глаголу? –
Взлетимъ на облака: оттолѣ призримъ долу,
И се – Что видимъ мы? Земныя чудеса
Своею славою затмили небеса:
Тамъ грады пышныя стоятъ какъ исполины,
Златые ихъ верхи златятъ вокругъ долины,
И держитъ океанъ зеркало ихъ красамъ;
Тамъ храмы стройныя коснулись небесамъ,
На мраморныхъ столпахъ легли небесны своды;
Тамъ тысящами людей обременны воды,
Для пользы и утѣхъ, богатства и войны;
Смирятся отъ нихъ бунтъ бурной глубины,
И прящихся стихій претяжіе навѣты:
Имъ служатъ какъ царямъ и солнцу, и планеты,
И вѣтры, и моря, ихъ разумъ ощутивъ;
Тамъ край не видится волнующихся нив,

Тамъ въ доли излились пучины водъ глубоки;
Сквозь царства цѣлыя изрытые протоки
Спрягаютъ межъ собой далекія моря;
Тамъ громомъ возшумѣвъ, и молніей горя,
Громады руша въ персть, летятъ перуны грозны;
Отъ взоровъ разума, и звѣзды свѣтоносны,
Въ убѣжищахъ своихъ укрыться не могли;
Изрыто нѣдро горъ и внутренность земли;
Измѣрены уже и небеса далеки;
И смертныхъ рукъ дѣла одолѣвають вѣки:
Такъ ихъ могущество подъ небомъ возрасло!

Но доблестямъ души едва ли есть число
Способной размышлять о Сущемъ, Несозданномъ;
Удобной совмѣстить, въ умѣ ея пространномъ,
Да будетъ вѣчное и вѣчный гласъ трубы;
Могущей постигать Всевышняго судьбы;
Дивиться мудрости въ твореніяхъ явленной;
Познать что было, есть и будетъ во вселенной;
И въ мысляхъ повелѣть востать другимъ мірамъ,
Украстить, расширить огромнѣйшій сей храмъ,
Гдѣ каждая звѣзда, олтарь неугасимой,
Горитъ предъ Благостью, себѣ лишь постижимой,
И жертвою хвалы чествуетъ Божество.
Таковъ есть человѣкъ! Толь славно существо,
Хотя на всѣ міры простретъ свою державу,
Не можетъ въ жизни сей свою умножить славу.
Сія ли мудрая, чудесная душа,
Которая теперь, безсмертіемъ дыша,
Паритъ, свергается, летаетъ повсемѣстно
И смѣетъ посѣщать святилище небесно,
Угаснетъ ли на вѣкъ? Эфирный огонь, въ пыли
И будетъ тлѣніемъ, и глыбою земли,
Какъ мертвыя тѣла сей смертныя ограды,
Смѣсится съ толщею вещественной громады,
Которой не почтилъ и жизнью Творецъ!

На сей ли суетный, ничтожнѣйшій конецъ,
Всесильный далъ душѣ толь многи совершенства?
Всесильный есть любовь; творитъ лишь для блаженства,
И цѣль сія видна во всѣхъ Его дѣлахъ;
Во всѣхъ является великъ, премудръ и благъ,
И благи Его самъ адъ не дастъ упрека.
И благодать ли Его отвергнетъ человѣка,
Чтобъ самый подлый гадъ предъ онымъ возгордѣлъ?
И естли здѣшній міръ есть весь его удѣлъ,
Блаженство здѣсь вкушать онъ долженъ полной чашей;
Но чувствуемъ ли мы блаженство въ жизни нашей?
Увы! Что наша жизнь? Смертей различныхъ цѣпь,
Пустыня дикая, бесплоднѣйшая степь,
Стягченна черными тлетворнѣйшими мглами;

И странникъ челоѡкъ, обуреваемъ злами,
Безуміа корысть, игралище страстей,
Влечется въ тысящи погубельныхъ путей
Доколѣ жизнь его поглотитъ смерть лихая. –
Въ печаляхъ живучи, въ болѣзняхъ издыхая,
Блаженствуетъ ли онъ на сей своей землѣ?
Подобна наша жизнь утесистой скалѣ,
Дрожащей отъ громов, чело ея разящихъ,
И мрачной, будто ночь, отъ тучъ надъ ней висящихъ;
И бѣдный челоѡкъ, искидокъ бытіа,
Мертвѣетъ въ ужасѣ на высотѣ ея,
Внимая подъ собой ярящееся море,
Въ которое упасть онъ долженъ вскорѣ, вскорѣ.
Увы! коль много золъ воюють наши дни!
Война, и моръ, и гладь, и бури, и огни,
Раздоры внутренни, тиранство съ сердцемъ мѣднымъ,
Терзають смертнаго навѣтомъ многобѣднымъ.
Сей образъ Божества, здѣсь въ руды погружень,
Забывъ, что солнце есть, лучей дневныхъ лишень,
И, смрадною дыша воздушной густотою,
Въ истокахъ золота томится нищетою.
А тамъ, подпавшіе плѣнившему ихъ злу,
На вѣкъ прикованны къ кровавому веслу,
Разумны существа, студа и срама полны,
До немощи орутъ осенни моря волны,
И пожинають съ нихъ – отчаянье одно.
А тамъ, съ презрѣнными забвенные равно,
Безстрашны витязи, побѣдой украшенны,
За пользу общества во брани сокрушенны,
Часть членовъ потерявъ на бѣдственныхъ поляхъ,
Съ оставшей частію скитаясь на жезлахъ,
Обходить области, ихъ мужествомъ спасенны;
И часто за труды, за раны понесенны
У холодной Жалости, лишены всѣхъ потребъ,
Не могутъ испросить ниже насущный хлѣбъ!
А тамъ, что слышу я? – Рыданія и крики,
Со скрежетомъ зубнымъ смѣшенны вопли дики,
Несутся съ ужасомъ въ трепещущій мой слухъ,
Пронзають какъ мечи страдающій мой духъ:
Тамъ, смерти злой слуги, болѣзни, полны злости,
На смертныхъ укрѣпясь, рвутъ жилы, рушатъ кости,
И мучатъ ихъ тѣла и мразомъ, и огнемъ;
Отъ мукъ не престають ни нощію, ни днемъ,
Сосутъ изъ сердца кровь, снѣдаютъ ихъ утробы,
И тысящами путей низводятъ ихъ во гробы.
Всякъ смертный подлежитъ страданіямъ всегда:
Воздержность строгая болѣзней не чужда;
Невинность иногда не избѣгаетъ казни;
И доблесть жертвою бываетъ непріязни.
Тамъ звѣри хищные, страшилища лѣсовъ,
Терзають и людей, какъ агнцевъ и тельцовъ;

Грызутъ еще живых, убійствомъ распаленны,
Глощаютъ съ жадностью трепещущи ихъ члены,
Пируютъ надъ костми безсильныхъ ихъ царей.
Но человѣкъ и самъ превыше всѣхъ звѣрей
Восходитъ лютостью и злобой кровожадной;
Подобному себѣ бываетъ бичъ нещадной,
Бываетъ мщеніе съ притворствомъ съедина. –
О Звѣзды кроткія! не слушайте меня.
Прострись сторичный мракъ по выпреренной лазури;
Не мчится ли крутясь вихрь шумный прежде бури,
И башни ветхія, шатаясь въ высотахъ,
Не прежде ли трещать, чѣмъ свергнутся во прахъ?
Не прежде ли ревутъ и горы огнеметны,
Чѣмъ стануть извергать, какъ молніи несмѣтны,
Свой пламень гибельный на холмы и поля?
Не прежде ли изъ нѣдръ колеблется земля,
Чѣмъ безднами своей расторженной громады,
Какъ челюстями пожретъ селенія и грады?
Не прежде ли чрезъ дымъ является пожаръ?
Отъ человѣка лишь тѣмъ скрытнѣе ударъ,
Чѣмъ къ сердцу ближняго онъ болѣе приближень.

Ужели человѣкъ Всеправеднымъ обижень,
Коль далѣе земли ему надежды нѣтъ,
Что страждетъ на землѣ отъ бѣдствій и суетъ,
И мучится всю жизнь и гибнетъ невозвратно?
Страданія дѣтей Отчу ли зрѣть пріятно?
Возможетъ ли Благій быть дѣлателемъ зла?
Никакъ! – Бѣги отъ насъ толь черная хула. –
А естли зло живетъ, растеть подъ небесами,
Живетъ, растеть и въ насъ – вина тому мы сами;
Но Разумъ Божества, ему же нѣсть числа,
Изъ тмы создавшій свѣтъ, добро творить изъ зла:
Да въ нашей немощи Его свершится сила,
Да души грѣшниковъ, какъ злато средъ горнила,
Отъ брениа страстей очистятся въ бѣдахъ;
Миръ вѣчный улучать по краткихъ ихъ трудахъ,
Безмѣрность радостей за малость ихъ страданій,
И тамъ, гдѣ нѣтъ скорбей, болѣзней, воздыханій,
Красуясь въ лучахъ нетлѣннаго вѣнца,
Участвуютъ съ Творцемъ въ блажествѣ безъ конца.

Коль смертный гибнетъ весь, коль жизни нѣтъ иныя,
Почто же малы намъ всѣ щастія земныя?
Почто на всякій день, почто на всякій часъ,
Желанья новыя смущаютъ, борятъ насъ,
И мы чрезъ цѣлу жизнь спокойству непричастны?
Почто и царь, и рабъ, и тотъ, кому подвластны
Обширныя страны, тмочисленный народъ;
И тотъ, кто свой шалашъ, отъ зимнихъ непогодъ,
Чуть можетъ защититъ соломою и мохомъ,

Встревоженны равно, износятъ вздохъ за вздохомъ;
О лучшей участи вздыхаютъ день и ночь,
И щастье вздохами далече гонять прочь,
Толь разны жребіемъ, толь жалобами сходны?
Почто животныя отъ скорби сей свободы?
На тучныхъ пажитяхъ пасомыя стада,
Ни жалобъ, ни заботъ не знаютъ никогда;
Въ утѣхахъ чувственныхъ не могутъ быть порочны;
Долины не оравъ снѣдаютъ травы сочны,
Пьютъ здравія струи изъ чистыхъ, свѣтлыхъ рѣкъ
И пищу, питіе, не омерзятъ во вѣкъ
Черезъ ядъ сомнѣнія, боязни и надежды;
Чужихъ далекихъ странъ не грабятъ для одежды,
И братьевъ не влекутъ въ судебный мрачный адъ.
На каждой пажити Эдемскій видятъ садъ,
Гдѣ клятвы не висятъ на вѣтвяхъ запрещенныхъ;
Лишь чувства страждутъ въ нихъ, злымъ рокомъ посѣщенныхъ;
Ни страхъ предшествуетъ, ни ропотъ идетъ въ слѣдъ,
Чтобъ лютость умножать терпимыхъ ими бѣдъ;
Одинъ ударъ начнетъ и кончитъ все ихъ горе.
Не вѣдая того что смерть истнить ихъ вскорѣ,
Безъ страха смертнаго проводятъ мирный вѣкъ:
Блаженная ихъ судьба! – И гордый человѣкъ,
Читающій въ звѣздахъ, владеющій вселенной,
Стремится къ ней вотще подъ игомъ плоти тлѣнной;
И гордый человѣкъ, заботами смущень,
Безпечности ихъ чуждъ, довольства ихъ лишень,
Не можетъ раздѣлять ихъ радости невинной;
Скорбитъ и сѣтуетъ въ юдоли сей пустынной,
Гдѣ первенства его поругана вся честь
И гдѣ природа вся не можетъ произвести
Желаніямъ его приличной, крѣпкой пищи.
И чѣмъ же, чувствуя вещей земныхъ тщету,
Чѣмъ сердца своего наполнимъ пустоту?

Совмѣстно ли, увы! съ Величествомъ небеснымъ,
Щедрѣе быть скотамъ, чѣмъ существамъ словеснымъ?
И мы ли созданы единые для мукъ,
Мы, дѣло славное Зиждителевыхъ рукъ,
И духомъ устъ Его едино вдохновенно?
Есть пажить и для насъ тучнѣе несравненно,
На время скрытая отъ бранныхъ нашихъ глазъ,
Гдѣ вѣчная Любовь, скитающихся насъ,
Наставитъ, упасетъ, на вѣчны жизни рѣки;
И мы, испивъ отъ нихъ, не вжаждемся во вѣки,
И всѣ желанія насытимъ до конца
Лучами Божія Трисвѣтлаго лица.

Безсмертія души и страсти знакъ неложной:
Надмѣру сильныя для сей страны ничтожной,
Бунтуя встаютъ, поднимаютъ споръ и шумъ,

Обуреваютъ жизнь и погубляютъ умъ,
И душу во плоти низводятъ къ бездамъ ада. –
И что же въ мірѣ семъ за бурю намъ награда?
Почто же ихъ возжечъ все тщится на землѣ?
Изъ тѣснаго гнѣзда, огромны ихъ крилѣ,
Широко распрострѣсь, распростираясь ширѣ,
Далече за предѣлѣ всего, что славно въ мірѣ,
Чего для смертныхъ насъ желательнѣе нѣтъ,
Предвозвѣщаютъ намъ изящнѣйшій полетъ,
И проявляютъ здѣсь на небо наше право.
И страсти самыя вѣщаютъ величаво,
Что жизнь безсмертная за гробомъ ждетъ меня;
И страсти суть лучи отъ вѣчнаго огня.
Имъ подвигъ предлежитъ въ державѣ совершенства,
И требуетъ отъ нихъ, на поприщѣ блаженства,
Дабы онѣ могли достигъ своей мѣты,
Всей силы огненной и всей ихъ быстроты.
Хоть долу Промыслomъ низвержены со трона,
Какъ полный гордости царь сильный Вавилона,
Питаться суетой, и пищею быть злу:
Но лучъ величія блеститъ еще сквозь мглу;
И естьли востыгнетъ броды ихъ умъ небесный,
Онѣ, какъ тотъ же царь, изъ звѣря вновь словесный,
Воздвигнутся отъ зла, оставятъ суету,
Востанутъ, взлетятъ на прежню высоту;
И будутъ тамъ парить со славою безмѣрной,
Отколѣ, Евою прельщенны легковѣрной,
Низринутись блуждать и рыскать по земли,
И весь подлунный міръ огнемъ своимъ зажгли.

Хоть страсти для души бываютъ остро жало,
Хоть рабствуютъ грѣху, не грѣхъ есть ихъ начало:
Безсмертіе души есть корень всѣхъ страстей.
Желаніе богатствъ, веселій и честей
Живетъ у насъ въ груди, нашъ врагъ непримиримой,
И всѣ мы жаждою горимъ неугасимой.
Не токмо лишь цари, – послѣдніе рабы,
Желаютъ безъ конца блистательной судьбы:
Знакъ жизни безъ конца желанье безконечно,
И души вѣчныя должны вноситься вѣчно,
Иль злато пріобрѣсть, или ничтожный блескъ.
Отъ Вѣчнаго хвалу, или отъ смертныхъ плескъ.

Коль смертнаго душа, ущедренна обильно,
Вспыхаетъ, возгоритъ, возпламенится сильно,
Высокимъ мнѣніемъ о доблести своей,
Вѣкъ цѣлый похвалы малъ кажется для ней;
И славы нашея блистанія и громы,
Парящимъ временемъ изъ рода въ родъ несомы,
Должны промчатся вдаль до самыхъ поздныхъ лѣтъ,
Чтобъ наши имена наполнили весь свѣтъ,

Дивили бы собой народы нерожденные,
И вѣчно жили бы, отъ смерти неврежденные.
Толь дикая мечта, надъ смертью торжество!
Взошла ли бы на умъ, коль наше естество
Желанной вѣчности не было бы причастно?

Колико чтить душа, коль любить славу страстно!
Мечтаетъ въ ней стяжать блаженнѣйшую часть;
Коль тщательно таить свою любиму страсть!
Краснѣетъ человекъ, въ сей страсти обличенный,
Хоть славы бы искалъ, мечтами не прельщенный,
Отъ лучшихъ изъ людей, за лучшее изъ дѣлъ.
Творецъ безсмертію учить насъ восхотѣлъ,
И крови нашей даль движенія сокрыты;
Велѣлъ ей восходить на палменны ланиты,
И сердце укорять въ заботахъ мѣлочныхъ,
Да взыщемъ мы похвалъ небесныхъ – не земныхъ,
Безсмертны существа – безсмертнаго успѣха.

Почто и сладкая для смертныхъ чувствъ утѣха
Огнемъ стыдѣнья жжетъ преступныхъ смертныхъ видъ,
И смертныхъ гордости наноситъ срамъ и стыдъ?
Стыдѣнія сіи, отъ неба порождены,
Вѣщають громко нам, что люди заблужденны,
Возшедъ на самый верхъ всѣхъ чувственныхъ сластей,
Свергають съ высоты достоинство людей:
Зане одни они, изъ всѣхъ земныхъ твореній,
Отъ неба созданы для вѣчныхъ наслажденій,
На кои Чистота, любезна предъ Творцемъ,
Взираетъ радостнымъ, смѣющимся лицомъ.

Почто въ насъ мудрости раченіе вліянно?
Въ познаніяхъ душа восходитъ непрестанно,
И знаній множествомъ не можетъ быть полна.
Способность познавать вотще ли ей дана?
Хотя бы человекъ и солнцу былъ совѣченъ,
Ученіе любя не пребылъ бы безпечень,
И днями обветшавъ учился бы еще,
И весь толь долгіи вѣкъ труждаясь вотще,
Некончанъ свой урокъ оставилъ бы при гробѣ,
И самъ недовершень возлегъ въ земной утробѣ.
На нѣкую степень восходятъ и скоты:
Но вѣчно не взойдутъ до большей высоты;
Всѣ знанія свои, внушенія природы,
Дары немногіе стяжавъ въ немноги годы,
Хоть вѣки проживутъ въ довольствѣ, безъ труда,
Всѣ тѣже самые пребудутъ навсегда;
Безумны начались и кончатся безумны.

Но какъ вообразить, что существа разумны,
Изрядствомъ разума растуши безъ конца,

Едва возвеселясь познаньемъ ихъ Творца,
Въ теченіи своемъ насильственномъ и скоромъ,
Твореніе Его едва окинувъ взоромъ,
И въ сей, ихъ житія, мерцающей ночи,
Едва проусмотрѣвъ слабѣйшіе лучи
Всесвѣтлой благости, премудрости и силы,
Отыдутъ на всегда во мрачныя могилы?
При всѣхъ усиліяхъ не можетъ человѣкъ,
Всю мѣру знанія исполнить въ краткій вѣкъ,
Умъ твердо воцарить, въ страстяхъ вселить равенство,
Природы своя постигнуть совершенство,
Какъ рвется вонъ уже со зрѣлица сего.
Въ началѣ опытовъ, не свѣдавъ ничего,
Угаснетъ ли на вѣкъ, какъ искра въ быстромъ токѣ?
Свѣтило ли міровъ заходитъ на востокъ,
И съ утренней зарей кончается ли день?
(Коль съ блескомъ молніи, осенней ночи тѣнь,
Полдневный солнца свѣтъ съ душою человѣка
Возможно соравнить безъ праваго упрека!)
И сей ли дивный блескъ по смерти будетъ тма?
Сіи ли славныя способности ума
Увянутъ, несозрѣвъ подъ тлѣющимъ покровомъ?
Не могутъ спѣть онѣ въ семь воздухѣ суровомъ,
Средь терній и волчцевъ растущихъ безъ числа;
Едва прозябнувъ здѣсь, межъ вредныхъ плевель зла,
Пресадятся онѣ чрезъ временну кончину
Подъ солнце вѣчное, на райскую долину,
Отъ сей безплодныя подлунныя гряды;
Тамъ славой процвѣтутъ, произрастятъ плоды,
Которыхъ сладостью прославится Содѣтель.

Коль нѣтъ безсмертія, не зло ли добродѣтель?
Не часто ли она любителей своихъ,
За пламенну любовь, за тверду вѣрность ихъ,
Лишая всѣхъ утѣхъ и щастія земнаго,
Отъемлетъ, лютая, единственно ихъ благо?
Велитъ влачить имъ дни въ презрѣнны, въ нищетѣ,
И имени ея, сей суетной мечтѣ,
На жертву приносить и кровь, и жизнь безцѣнну,
И чашу смертныхъ мукъ, порокомъ растворенну,
Велитъ имъ всю испить до ѣдкости дрождей?
Какая скорбь душѣ помыслить, что злодѣй,
Всю жизнь торжествовавъ, найдетъ, въ награду злобѣ,
Равно спокойное возглавіе во гробѣ,
Какъ самый ревностный поклонникъ Божества!
Здѣсь добродѣтель, трудъ, и подвигъ, и битва –
И чтоже нудитъ насъ стезею острой, тѣсной,
На бѣдства къ ней бѣжать? – Вѣнецъ ея небесной,
Которымъ въ вѣчности украситъ насъ Господь!
Лишь онъ даетъ намъ мощь попрасть и міръ, и плоть,
Навѣты одолѣть и злобы, и коварства.

Нещастень ли тотъ рабъ, который чаеъ царства
Лишь первый утра блескъ разсѣтъ темну ночь?
Онъ, мракъ унынія отгнавъ отъ сердца прочь,
Не чувствуетъ цѣпей, не мнится быть въ неволѣ:
Но въ мысляхъ воцарясь на будущемъ престолѣ,
Владѣтъ царственнымъ отсутственнымъ жезломъ,
И духомъ возносясь, яснѣется челомъ.

Когда въ безсмертіи надежда наша тщетна,
Почто же твердь сія, звѣздами искрометна,
Какъ нѣкій свѣтлый кровъ объемлетъ насъ кругомъ?
Почто отчаянью толь пышный созданъ домъ?
На то ли славныя, безчисленны свѣтилы,
Катясь по небесамъ, отъ дѣйства Вѣчной Силы,
Свершаютъ ихъ пути въ извѣстны времена,
Чтобъ смертныхъ бѣдственныхъ несчетны племена
Всю длительность ихъ бѣдъ могли исчислить вѣрно,
Всю мѣру ихъ познать и сѣтовать безмѣрно?
На то ли красотой красуется земля,
Блестящей жатвою златить свои поля,
Пестритъ свое лице цвѣтами и плодами,
Холмами, пажитми, дубравами, водами,
Чтобы средь зрѣлицъ сихъ, смѣющихся вкругъ насъ,
Мы горко плакались на всякій день и часъ?
Пещера аспида и вепря логовище
Ничтожнымъ было бы приличнѣйше жилище,
Чтобъ выли тамъ они, пускали вопль и стонъ.
Какъ Фивы стройныя, какъ пышный Вавилонъ,
О коихъ хвалятся умъ смертнаго и чувства,
Созданные трудомъ временъ, богатствъ, искусства,
Изъ мраморовъ драгихъ, изъ кедровыхъ лѣсовъ,
Прилично соградить для аспидовъ и совъ!
Такъ звѣздный сей чертогъ создать для человѣка,
Коль брению сему нѣтъ будущаго вѣка!
Мѣжъ тѣмъ какъ мы, плѣняясь небесной красотой,
Гордимся мыслию, желаній высотой,
Едва ползущій червь, но въ мірѣ семъ блаженной,
Изъ храмины своей во прахѣ соруженной
Не въ правѣ ли насъ звать витать въ пыли съ собой:
Коль тлѣну съ нимъ равно мы преданы судьбой,
Коль жизнь ему и намъ равно невозвратима,
Коль смерти хищныя рука неумолима
Нещадно подавивъ стенаній нашихъ гласъ,
Навѣкъ завѣсой тмы завѣшиваетъ насъ?

Скрывая въ мрачный гробъ Великихъ добротою,
Геройствомъ, мудростью и правдою святою,
И всѣми свойствами достойными хвалы,
Уже ли можно намъ помыслить безъ хулы,
Что всѣ сіи дары, что всѣ сіи изрядства,
Которымъ равныхъ нѣтъ въ блистающихъ мірахъ,

Единый будутъ смрадъ: потомъ исчезнуть въ прахъ?
Творецъ ли нашъ благій, и въ самое то время
Когда небесныхъ имствъ раскинетъ въ насъ сѣмя,
Когда у насъ въ груди свѣтаеть Божество,
Разрушить до конца все нашъ существо?
Сомнѣнемъ устрашить селенія небесны,
Что могутъ умереть и души безтѣлесны?

Безсмертіе ліетъ свѣтъ истинны уму;
Сомнѣній пагубныхъ разсѣваетъ тму;
Созданія души оно вскрываетъ тайны;
Противности въ душѣ несмѣтны, чрезвычайны,
Умѣетъ согласить въ устройство и союзъ;
И душу свободивъ отъ рабскихъ тѣна узъ,
Возноситъ съ торжествомъ въ свободу чадъ небесныхъ.
Подъ ноги наши въ низъ свергаетъ безсловесныхъ,
Намъ первенство даетъ и царскую хвалу,
Свѣваетъ всякую съ лица природы мглу,
Являетъ намъ, что благъ, безмѣрно благъ Содѣтель,
И паки на престоль возводитъ Добродѣтель,
На небѣ для нея созданный искони.

Живутъ ли на землѣ, и люди ли они,
И какъ мнѣ ихъ назвать, да правды не нарушу,
Которые въ себѣ безсмертну носятъ душу,
Не вѣдая о томъ, къ ихъ сраму и стыду,
Подобно какъ гора лежащу въ ней руду,
Подобно какъ скала алмазъ въ ней заключенный?
Когда послѣдній день, Всесильнымъ ополченный,
Скалы разсыплетъ въ персть, растаетъ твердость горъ,
Познаютъ и они – но въ вѣчный свой позоръ,
Богатство собственныхъ, безвѣстныхъ имъ сокровищъ.

Но какъ еще назвать тѣхъ мерзостныхъ чудовищъ,
Которые, увы! людей имѣя видъ,
Безсмертіе свое себѣ вмѣняютъ въ стыдъ,
И борять мысль о немъ, въ душѣ ихъ востающую?
Толь славну истинну, толь громко вопіющую,
Стремятся подавить въ рожденіи самомъ;
И, сердцемъ ожестѣвъ, и обуявъ умомъ,
Скотами быть хотятъ, скоты по произволу,
И гордость превративъ, жадаютъ падать долу!
Которыхъ чаянье – ужасна, вѣчна ночь,
Которые пріявъ отъ ада хитрость, мощь,
Нечестія рабы средь мнимой ихъ свободы,
Ревнуютъ низлагать безсмертія доводы,
Стремятъ въ неистовствѣ на доблести одни
Удары всѣ свои и черные огни,
Чтобъ въ мірѣ нравственномъ, въ душѣ истинить устройство;
Истинить безсмертіе, божественное свойство,
Дражайшій изъ даровъ Всещедрыя руки.

Природа встаетъ вѣщать имъ вопреки:
«Воззрите на меня, Исчадія строптивы!
Безумцы жалкіе, безуміемъ кичливы!
Премѣна все во мнѣ; премѣна – но не смерть:
Се звѣзды сребренны взошли на синю твердь,
И паки скроются, и вновь явятся въ славѣ;
Се ночь уснувшій міръ хранить въ своей державѣ:
Но вскорѣ придетъ день и воцарится въ немъ;
Такъ день за нощю, и нощъ течетъ за днемъ.
Все то же на земли: се радостное Лѣто,
Душистой зеленью какъ ризою одѣто;
Цвѣтами увѣнчавъ златистое чело,
Блеснуло красотой – и въ осень перешло.
Се вьюгами шумя, и жизнь земли снѣдая,
Отъ мразовъ каменна, идетъ Зима сѣдая:
Сдуваетъ Осень прочь, въ плодахъ ея красну –
И вдругъ изнемогла, растаила въ весну.
Пригожая Весна приходитъ съ сердцемъ мирнымъ,
И холодъ разрѣшивъ дыханіемъ зефирнымъ,
Поля озеленивъ, олиственивъ лѣса,
И птицамъ возвративъ ихъ стройны голоса,
Глашаетъ лѣто вновь изъ теплыхъ храминъ Юга.
Такъ все мѣняется, катится въ видѣ круга,
Падетъ и встаетъ, какъ въ быстромъ колесѣ;
Все вянетъ, чтобъ процвѣсть, и цвѣсть во всей красѣ.
Се образъ смертнаго – и часть его блаженну,
Познайте, Буйные! во мнѣ проображенну;
Се образъ смертнаго – такъ точно человѣкъ,
Преходитъ отъ земли, не умираетъ въ вѣкъ.»

Такъ жизнь отъ мертвости раждаясь несказанно,
Громаду всей земли вращаетъ безпрестанно,
И въ цѣлости хранить всѣ сущности ея.
Былинка ни одна, лишена бытія,
Творца не обвинить въ непостоянствѣ воли.
Одинъ ли человѣкъ, чуждѣ общія всѣмъ доли,
Подсолнечной страны величественный царь,
Погибнетъ навсегда, для коего вся тварь
Приемлетъ нову жизнь отъ Благости всеплодной?
Который лишь одинъ, разсудкомъ превосходной,
Способенъ, оцѣнить блажество бытія,
Оплакать бѣдствіе кончины своея,
Разлуку вѣчную и съ міромъ, и съ собою,
Одинъ ли осужденъ завистливой судьбою,
Его лишь одного зіяющей угрысть,
Быть смерти хищныя единственна корысть?

Какъ всѣ творенія въ природѣ постепенны!
Коль близки степени! Коль твердо съединенны!
Здѣсь спяще вещество ждетъ гласа съ высоты,

Даръ жизни воспріять и ризу красоты;
Тамъ мертвое съ живымъ чудесно сопряженно;
Тамъ чувство бытія, животнымъ всѣмъ врожденно,
Заемлетъ отъ ума единый свѣтлый лучъ,
И блещетъ иногда, какъ молнія изъ тучъ;
Но въ человѣкѣ умъ сіяетъ полнымъ свѣтомъ,
Какъ златомъ огненнымъ сіяетъ солнце лѣтомъ.
Но какъ же далѣе восходитъ цѣпь чудесъ
Къ безплотнымъ существамъ, къ согражданамъ небесъ,
Въ жилище вѣчности, отъ смерти безнавѣтно?
Представимъ существо полсмертно, полбезсмертно,
Земное частію и частію эфиръ,
Связующе собою съ духовнымъ тлѣнный міръ,
Пусть будетъ въ немъ душа разумна и бессмертна:
Или прервется вдругъ созданій цѣпь безмѣрна,
Союзъ межъ тварію небесной и земной,
И бездна страшная зіяетъ глубиной?

Бессмертенъ человѣкъ! Глаголь животворящій,
Какъ сильный гласъ громовъ слухъ смертнаго разящій,
Сей гласъ гремитъ душѣ и изумляетъ умъ;
Пороковъ и страстей прервавъ нестройный шумъ,
И всю препобѣдивъ возможну благодарность,
Ползущимъ помысламъ даетъ высокопарность,
Творитъ ихъ возлетать отъ праха суеты,
Превыше всякія мірскія высоты.
Какъ узникъ страждущій, отъ узъ изнеможенный,
Щастливымъ жребіемъ въ отраду отпущенный,
Изъ смрадности и тмы, отъ ужасовъ и слезъ,
Возшедеъ на зланный холмъ, подъ чистый сводъ небесъ,
И дышущъ сладостію эфира и свободы,
Любуется красой весеннія природы,
Ликуетъ въ радости, въ восторгѣ, въ торжествѣ,
Какъ бы рожденный вновь и въ лучшемъ естествѣ;
Такъ съ радостію душа летитъ надъ круги звѣзды,
Отъ сна нечувствія, отъ края вѣчной бездны,
И все, воспламенивъ отъ свѣтлыхъ сихъ огней,
Что есть небеснаго, божественнаго въ ней,
И гордость воспріавъ безгрѣшну, благородну,
Паритъ въ страну ума, въ стихію ей природну,
Въ единой вѣчности ища утѣхъ, честей,
Гнушаясь горести привременныхъ сластей,
Презрѣвъ величіе бессмертнымъ непримѣтно.

Все, кромѣ вѣчности, обманчиво и тщетно;
Лишь вѣчности дано разрушить яда лести,
И душу укрѣпить, наполнить, и вознестъ
Превыше благъ и золъ сей жизни поднебесной.
Сіи теряютъ страхъ, а тѣ ихъ блескъ прелестной,
Къ намъ небо близится, земля уходитъ вдаль,
Сливаются на ней и радость, и печаль.

Безсмертный человекъ, взыскующій блаженства,
Возшедь по крутизнамъ на гору совершенства,
Сѣдитъ въ блистающемъ изъ доблестей вѣнцѣ;
Небесной кротостью цвѣтетъ его лице,
И взоры въ небесахъ, и мысли небомъ полны:
Вотще подъ нимъ шумятъ житейски бурны волны;
Навѣты зависти, въ отчаянье врагамъ,
Какъ громы тщетные падутъ къ его ногамъ;
Надъ нимъ распространивъ крилѣ свои златыя,
Летаютъ Ангелы, друзья его святые,
Даютъ ему покровъ и плещутъ въ похвалу.
Страсть каждая его, подобяся орлу,
Парить въ превыспренность безмрачну, безмятежну.
Воздержность строгую вмѣняя въ роскошь нѣжну,
Желанія свои разсудкомъ оковавъ;
Чтя подвиги къ добру въ числѣ своихъ забавъ,
Онъ чувствуетъ въ груди веселія всегдашни.
Къ нему съ улыбкою взирають дни вчерашни,
Ниже какъ Паряне язвятъ бѣгущи вспять;
И щастія его не въ силахъ адъ отгять.

Пусть твердь небесную трясуть удары громны,
Пусть всѣ обручатся миры сія огромны,
И землю разразятъ, и насъ истнятъ во прахъ,
Души не повредятъ, ниже повергнутъ въ страхъ;
Изникнетъ человекъ изъ толщи раздробленной,
Какъ пламя высая отъ пепела вселенной,
Взойдетъ въ духовный міръ, предъ вѣчную Любовь,
Да съ пламенемъ ея на вѣкъ сліется вновь;
И тамъ себя святить чрезъ вѣчную святыню.
Узритъ съ веселіемъ всемирную пустыню;
Рушеніемъ мировъ онъ вѣчность пріобрѣлъ;
Безсиліемъ громов, тщетою смертныхъ стрѣлъ,
Побѣдой славною надъ бурями подземной,
Увѣрится въ своей свободѣ неотъемной.

Но се, изъ облаковъ, царица звѣздъ, луна,
Въ величїи течетъ и кротости полна,
Видѣніемъ своимъ ночь темну просвѣтила;
Зерцало сребренно державнаго свѣтила,
Умѣривъ яркій огонь златыхъ его лучей,
На землю сыплетъ блескъ, прїятный для очей,
Являетъ мнѣ вокругъ стези между гробами,
Да шествую межъ нихъ неробкими стопами.
Такъ Вѣра свѣтлая, въ житейской сей ночи,
Отъ Солнца истинны заимствуя лучи,
Ліетъ во мракъ души свѣтъ тихій, неоскудный,
И озаряетъ ей путь мирный, незаблудный,
Сквозь смертную юдоль въ селенье Бога силъ.
Она стремится мой умъ парить поверхъ могилъ,

И съ оныхъ пожинать, какъ съ нивы класы хлѣбны,
Сладчайши истинны, и чувствія цѣлебны;
Тлѣнь жизни обнажить, и взвѣситъ жизнь и смерть;
Дать смерти похвалу, и страхъ въ ничто сотерть.

Мятежну смертну жизнь вотще мы любимъ страстно,
И смерти кроткія трепещемъ мы напрасно;
Или для радостей прильпнули мы къ землѣ?
Но гдѣ же радости? – Весь міръ лежитъ во злѣ:
Въ немъ бѣдства хищныя, въ немъ страсти ядовиты,
Терзають нашу грудь, мученіемъ насыты,
Воюють внутренній и внѣшній нашъ составъ;
И въ пламени битвы желать ли намъ забавъ?
Когда мятется духъ отъ роковой обиды,
Теряють весь свой блескъ волшебны жизни виды,
Скрываются во мглѣ, умалясь высотой,
Какъ грады на поляхъ, со всей ихъ красотой,
Съ золотыми кровами и съ бѣлыми стѣнами,
Для бѣдной ладіи, боримыя волнами,
И рушимой уже, и сущей близъ конца.

Вспомнивъ свой конецъ, и грубыя сердца
Въ уныніе впадутъ средь самыя отрады;
И все строеніе всемірныя громады,
Предъ жизнью новою, предъ жизнью въ небесахъ,
Какъ пыль легчайшая явится на вѣсахъ.

И намъ ли на землѣ желать безсмертны лѣта?
Во чревѣ вѣчно жить, и вѣкъ не видѣть свѣта,
Искать всегда премѣнь, путь топтанный топтать,
Вкушать вкушенное, что зрѣли зрѣть опять,
И слышать до конца одну и ту же повѣсть?
Всечасно раздражать карающую совѣсть,
И съ нею вѣчную вести въ себѣ войну,
Иль пѣснями Сиренѣ склонять ее ко сну,
На мягкихъ льщеніяхъ покоить, какъ на розахъ,
И лаской утишать немолчную въ угрозахъ?
Но хитрая межъ тѣмъ, какъ кажется нѣма,
И послабляюща страстямъ броды ума,
И насъ непомняща, и дремлюща небрежно,
Умѣетъ соглядать, изслѣдывать прилѣжно,
Всѣ злыя склонности, дѣла нечистоты,
Пороки, слабости, и самыя мечты,
И пишетъ нашу жизнь о точности радѣя;
И Смерть ее прочтетъ въ слухъ блѣднаго злодѣя,
И громко возвѣститъ безчисленнымъ мірамъ,
И Вѣчность стонами провозгласитъ нашъ срамъ.

Подъ солнцемъ искони, ничто, ничто неново:
Что было, то и есть, и быть еще готово;
Кто прожилъ мигъ одинъ, тотъ прожилъ цѣлый вѣкъ.

Ничтоженъ дольний міръ! – И въ немъ ли человекъ
Рѣшается зарыть небесныя надежды?
Для зрѣлищъ будущихъ сомкнувъ сонливы вѣжды,
Душевыя доблести связует; рабъ земли,
И скопелъ ставъ умомъ, валяется въ пыли;
Отъ неба щедрого для неба воскресилъной,
Безмѣрность постигать въ невидимой вселенной,
Вкушать межъ Ангеловъ струи живой воды
И съ древа животы безсмертія плоды,
Гдѣ нѣтъ уже премѣнъ, гдѣ нѣтъ вѣковъ минутныхъ.

Земная наша жизнь есть цѣпь мечтаній смутныхъ,
И бранный человекъ, добыча сукъ, тревогъ,
Нерѣдко жертва бѣдъ, отчаяться бы могъ,
Когда не чаялъ бы чрезъ смерть избыть досады;
И смерть ли намъ страшна, виновница отрады?
Что смерти трепетать? Гдѣ смерть? – Едва пришла,
Уже исчезла въ мигъ, и мы спаслись отъ зла;
И смертный колоколъ, и мглы могилъ густыя,
И тлѣніе, и червь – суть призраки пустыя.
И мы ли, въ робости не лучшіе дѣтей,
Единыя боясь, претерпимъ тмы смертей?
Что умираетъ въ насъ? – Болѣзни, скорби, стоны.
Что умираетъ въ насъ? – Къ безсмертію препоны!
Живущи на землѣ, живутъ на персти персть;
Лишь смерть единая сильна для насъ отверсть
Домъ жизни истинной, живущимъ затворенный,
И духъ нашъ оживить, отъ жизни изнуренный.
Здѣсь каждый человекъ зародышъ бытія,
Достигнетъ лишь чрезъ смерть до жизни своя.
Срѣтая въ смерти жизнь вдадимся ли мы страху?
Жизнь душу смертнаго порабощаетъ праху,
Ей смерть даетъ крилъ оставить мятежи;
Жизнь – плоти торжество; смерть – торжество души.
Доколѣ плоть живетъ, душа лежитъ въ могилѣ,
Когда же плоть умретъ, душа воскреснетъ въ силѣ,
Не жизнью ли, увы! гнѣтется подъ яремъ?
Но смертью свободенъ, и паки обоженный,
Восходитъ на престолъ въ покой его блаженный.
Смерть сильною рукой сжимаетъ Злобы зѣвъ,
И Скупость съ Роскошью, Тщеславіе и Гнѣвъ,
Влачimy при ея побѣдной колесницѣ,
Даютъ ей плескъ хвалы, невольники царщѣ.
Смерть, всякой горести, не радости конецъ;
И что вѣщать еще? О Смерть, прими вѣнецъ!
Бездушнымъ усмотрѣвъ зракъ ближняго любезный,
Природа слабая прольетъ источникъ слезный:
Но Вѣра, здравый умъ прощаясь съ мертвецемъ,
Вѣнчаютъ гробъ его торжественнымъ вѣнцемъ;
И гонятъ отъ него плачевны вопли, клики.

Пусти меня, о Смерть, въ небесны стройны лики,
Къ старѣйшимъ братьямъ, къ нѣжнѣйшему Отцу!
Небесны пѣнія земному дай пѣвцу,
Да Вѣчнаго пою въ веселіи великомъ,
И гласомъ радости, и Ангельскимъ языкомъ
За жизнь и смерть и жизнь воздамъ ему хвалу!

Блаженъ, кто отъ души страстей оттрясши мглу,
Согрѣтый къ ближнему сердечной теплотою,
Въ путь узкій шествуетъ за вѣрою святою!
Надъ жизнію своей стражъ ревностенъ и бодръ,
Безстрашно онъ воззрѣтъ на страшный смертный одръ;
Готовъ оставить жизнь, для смертности прелестну,
Готовъ, какъ Авраамъ, итти въ страну безвѣстну,
По зову Вышняго, умою не усумнясь;
Къ безсмертію горя, разрушить съ тлѣномъ связь,
Чрезъ смерть родиться вновь для славы безконечной.
Прешествіе его отъ жизни краткой къ вѣчной,
Есть чувство мирное пріятнѣйшаго сна;
Предъ Богомъ праведнымъ смерть праведныхъ честна!

Единаго изъ сихъ въ болѣзненной кончинѣ
Я видѣлъ торжество, и зрю еще понынѣ:
Жилище тихое, гдѣ тихимъ онъ лицомъ
Встрѣчаетъ смерть свою ниспосланну Творцемъ,
Святыней полнится, творится къ небу смѣжно.
Бывъ въ смертномъ подвигѣ онъ молится прилѣжно,
И въ немъ умаленномъ величится Господь.
Болѣзни ѣдкія его терзаютъ плоть:
Пронзительный огонь, стремясь изъ жилы въ жилу,
Состава цѣлаго испепеляетъ силу,
Но твердый духъ его не зыблется отъ мукъ.
Кадила ѳиміамъ, священныхъ пѣсней звукъ,
Молитвы пастырей, таинственны обряды,
Стенанія прервавъ, даютъ ему отрады;
Очистясь отъ грѣховъ, въ божественной крови
Устами хладными, но съ пламенемъ любви
Лобзаеъ страждущій, распятія любитель,
Знакъ славы твоя, о Боже Искупитель!
И симъ оружіемъ сражаетъ тартаръ въ прахъ;
Отринувъ отъ себя присущей смерти страхъ,
Вселяетъ тишину въ душѣ своей глубоко.
Какъ горній башни верхъ, чело горы высоко
На высотахъ своихъ удерживаютъ день,
Межъ тѣмъ какъ съ облаковъ сходяща долу тѣнь,
И облакомъ пары съ лица земли летящи
Тмой, влагой потопивъ, долины прилежащи,
На низменны поля унылу стелятъ ночь:
Такъ въ плоти немощной являя духа мощъ,
Онъ небомъ просвѣщаль мерцающія вѣжды.
Въ лицѣ его блеститъ лучъ радости, надежды,

Что вскорѣ узритъ онъ бѣдамъ и мукамъ край;
И гибель смертная его вѣнчаетъ въ рай
Чудеснымъ паче словъ и несообщнымъ свѣтомъ.
Всѣ міра прелести презрѣннымъ чтя уметомъ,
И въ ономъ грѣшное окаявъ житіе,
Зря въ Словѣ, бывшемъ плоть, спасеніе свое,
Языкомъ трепетнымъ, прерывнымъ, слабымъ гласомъ
Спасителю хвалу воспѣлъ предъ смертнымъ часомъ,
И Ангелы съ небесъ приникли ей внимать.
Усилился еще, воспѣлъ и Дѣву – мать,
Чистѣйшу Чистоты, святѣйшую Святыни,
Которой сѣменемъ низверглась власть Гордыни,
И змія древняго сотерлася глава.
Воспѣлъ – и Благодать, внявъ искренни слова,
Ліется на него, какъ дождь на жаждну сушу.
Онъ смерти отдаетъ, не уступаетъ душу;
Въ рушеніи великъ, длань смерти ощутивъ,
Возмогъ еще изречь: Умру, и буду живъ....
Въ отчизну возвращусь: мнѣ Богъ благодотворитель!
Онъ брѣнную сію души моей обитель,
Лишенну твердости, лишенную красы,
Падушую уже отъ смертныя косы,
Изъ праха возсоздастъ на вѣки нерушиму,
И дастъ ей красоту, уму непостижиму.
Тебѣ, Отецъ утѣхъ! Тебѣ, Отецъ щедротъ!
Себя я предаю, вдовицу и сиротъ,
И духъ мой пріими въ свои святыя руки....
Но се, въ его устахъ уже нѣмѣютъ звуки,
Во взорахъ меркнетъ свѣтъ, мертвѣетъ блѣдный зракъ,
Вселенна для него скрывается во мракъ.
Уже не слышитъ онъ стѣнящей дружбы нежной,
Ни дѣтскія любви, во плачѣ безутѣшной;
Безжизнень – но еще на мертвенномъ челѣ
Я зрю, какъ блескъ луны мелькающей во мглѣ.
Величіе души и искренность сердечну,
Почилъ отъ всѣхъ трудовъ – и будетъ въ память вѣчну,
И вновь сподобился быть жителемъ рая.

А ты, священный Прахъ! До паки бытія,
Покойся въ тишинѣ глубокой, безнавѣтной.
Тогда изникнешь ты изъ тмы и сѣни смертной,
Какъ огненнозлатый, стрѣлы быстрѣйшій лучъ,
Сверкающей струей изъ толщи черныхъ тучъ,
Изъ гроба возблестишь во славѣ боголѣпной;
И съ плескомъ воспаришь, и съ пѣснію хвалебной,
И самъ себѣ дивясь въ восторгѣ торжества,
Поклонишься лицу благаго Божества.

Велико таинство, твореніе вторично
Всесильному легко, Всещедрому прилично,
Невмѣстно тѣснотѣ созданнаго ума!

О воскресеніи природа не нѣма;
Но шепчешь смертному сомнительну надежду
О томъ, что приметъ онъ нетлѣнія одежду;
Но Вѣра возгласивъ, сильна увѣритъ насъ;
И сами аспиды ея внимають гласъ,
Внимая прочь спѣшать и кроются во мракѣ.
Какъ вождь при радостномъ своей побѣды знакѣ
Ликуетъ, что судьба его превознесла;
Такъ вѣра при гробахъ ликуетъ безъ числа;
На страсти возложивъ желѣзные оковы,
Душамъ даруетъ жизнь, даруетъ души новы.

Но се, красуясь златымъ побѣдъ вѣнцемъ,
Посредница сія межъ нами и Творцемъ,
Является очамъ въ червленной багряницѣ;
И въ шуйцѣ здѣшній міръ, и будущій въ десницѣ,
И на груди ея, составленный изъ звѣздъ,
Сверкаетъ блесками пророчественный крестъ,
Какъ слово судное¹ на персяхъ Аарона
Нисходитъ Кроткая съ небеснаго Сіона,
И озаряетъ умъ лучемъ своихъ очесъ,
И каплетъ медъ изъ усть, медъ сладостныхъ словесъ:
«О смертный! Умудрись. – Что Богу невозможно?
Кто въ Еммануила увѣруетъ неложно,
Хоть умретъ, оживетъ, и будетъ жить всегда;
Кто вѣруетъ въ него, не умретъ никогда.
Онъ воскресеніе, онъ смерти побѣдитель,
Изъ мертвыхъ первенецъ, умершихъ возродитель.
Живъ Богъ! – И Богъ живой – живыхъ, немертвыхъ – Богъ!
Всѣ мертвые живутъ, ко всѣмъ Онъ благъ и строгъ.
Душею днесъ живутъ; но оживутъ и тѣломъ,
Да придутъ всѣ на судъ въ своемъ составѣ цѣломъ,
Награду, или казнь воспримутъ за дѣла,
Въ которыхъ общники и души, и тѣла.
Изыдутъ мертвые изъ нѣдръ земной утробы,
Въ престолы свѣтлые преобразятся гробы,
И Человѣчество, пріемля прежній видъ,
Хвалясь возопіетъ заглаженъ зря свой стыдъ
И тлѣнности своей не обрѣтая слѣда:
Гдѣ жало, Смерть, твое? Гдѣ, Адъ, твоя побѣда?
Смерть смерти предана! И адъ низверженъ въ адъ!
О Смертный! Умудрись, очисти умный взглядъ,
Отъ сердца своего отринь сомнѣній бремя,
Не буди маловѣръ – не всякое ли сѣмя,
Когда не согнѣтъ, не процвѣтетъ во вѣкъ?
И ты ли плотію погибнешь, человекъ!
Ничтожнѣйшій зерна посѣнешься бесплоденъ?

¹ Такъ называется въ Священномъ Писаніи (Исх. гл. 28 ст. 15, 30) одно изъ великолѣпнѣйшихъ облачений ветхозавѣтнаго первосвященника, а именно: златошвенный нагрудникъ, къ которому прикрѣплялись въ 4 ряда 12 драгоценныхъ камней. По сказанію Юсифа Флавія (Древн. Іуд. част. 1 кн. 1 гл. 8) Всевышній чрезъ камни сіи, сообщая онымъ чрезмѣрное сверхъ естественное сіяніе, предвозвѣщаль народу своему побѣду надъ врагами, и вообще, на вопрошеніе первосвященника о будущемъ, издавалъ пророчественные отвѣты.

Покровъ твоей души священъ и превосходенъ,
Зане его и Тотъ ношеніемъ почтилъ,
Кто твердь небесъ одѣлъ покровомъ изъ свѣтилъ;
Покровъ твоей души сужденъ прежить вселенну,
Посѣянъ въ тлѣніе, востанетъ въ жизнь нетлѣнну,
Въ жизнь чуждую скорбей, въ жизнь чуждую суетъ,
Вещественъ сѣется, духовенъ востаетъ,
Изъ мертвыхъ навсегда въ живые претворенный.
Смотри: – у ногъ твоихъ вѣется червь презрѣнный;
Онъ кожу грубую оттряси отъ себя,
И въ круглый видъ зерна длину свою склубя,
Какъ мертвъ лежитъ въ пыли, движенія лишенный;
Промчится рядъ часовъ, и гадъ сей превращенный,
Доселѣ ползавшій со срамомъ по землѣ,
Получитъ нову жизнь, и стройность, и крилѣ,
И изменность презрѣвъ, плѣняясь высокою,
На воздухъ возлетитъ, красуясь пестротою.
Такъ смертный, смертности совлекшись чрезъ смерть,
Хоть тлѣнь его составъ успѣетъ въ пепѣ истерть,
Отъ пепла возродясь какъ фениксъ обновленный,
Въ эфиръ воспаришь, бессмертьемъ воскриленный.

И такъ, о Человѣкъ! Знавъ волю Божества,
Зря гибель своего земнаго естества,
Не гини разумомъ въ уныніи и страхѣ.
Хотя бы о твоёмъ давно истлѣвшемъ прахѣ
Всѣ вѣтры спорились, взвиваясь до небесъ;
Хотя бы онъ въ моряхъ и въ пропастяхъ исчезъ:
Безстрашенъ пребывай. – Ты, силою Господней,
Отъ вѣтровъ, отъ морей, отъ ночи преисподней,
Востребуешь свой прахъ – и будешь жить всецѣль.
Не се, ты узришь самъ славнѣйшее изъ дѣлъ
Превѣчной Благостью во времени творенныхъ:»

Рекла – и отъ моихъ очей примрачныхъ, бранныхъ,
Завѣсу вѣчности поспѣшно отвлекла.
Исчезла предо мной вѣковъ густая мгла,
Я зрю грядущее, я зрю кончину міра:

Уже послѣдній день касается эмира;
Межъ тѣмъ какъ смертныя безпечны племена,
Въ часы полунощи, вкушаютъ сладость сна,
Блеснулъ, какъ молнія, изъ тмы десятичной,
Блеснулъ сей грозный день, отмщенію приличной,
Который для суда уставленъ искони,
Для коего Творецъ создалъ всѣ прочи дни,
И небо сотворилъ, и въ небѣ сонмы звѣздны;
Для коего земля возникнула изъ бездны,
Изъ праха человѣкъ, и вѣчность, вѣкъ Боговъ,
На брэннаго сошла отъ выпреннихъ круговъ.

Изъ внутреннихъ небесъ ревуть немолчны громы,
И гулы, быстротой изъ міра въ міръ несомы,
Разятъ во слухъ земли, трясуть вселенной дно:
Не свѣтитъ славою свѣтило ни одно,
Не блещетъ красота лазурныхъ сводовъ пенныхъ;
Но зрится токмо блескъ отъ знаменій ужасныхъ, –
И весь пространный свѣтъ, отъ ярыхъ оныхъ грозъ,
Разсыпаться готовъ и вновь прейти въ хаосъ.
Се Ангела полетъ я вижу надъ собою:
Одѣянъ облакомъ спустился онъ съ трубою,
Лицемъ луча какъ день – какъ огненны столпы,
Поставилъ онъ свои незыбкія стоны,
Десную на моря, и шуюю на суши;
Трубою вострубилъ – и всѣ усопшихъ души
Стремятся изъ своихъ безвѣстныхъ смертнымъ мѣстъ,
Или во глубинѣ, или превыше звѣздъ,
Гдѣ чаяли онѣ съ живительной отрадой,
Или страшилися съ томительной досадой,
Неизмѣняемой, грядущія судьбы.
Обратно прилетѣвъ на грозный гласъ трубы,
Спрягаются навѣкъ съ ихъ вѣчными тѣлами.
Отъ звука трубнаго ээиръ потекъ валами,
Содроглись небеса и всѣ земли концы,
Живые умерли, воскресли мертвецы.
Подобно мравіямъ ползущимъ по долинѣ,
Когда ихъ малый міръ жезломъ изрытъ въ срединѣ,
Исходятъ мертвые изъ ихъ пещеръ и ямъ,
Въ жизнь вѣчную одни, другіе въ вѣчный срамъ.
Не всѣ востали вдругъ, равно легки и скоры:
Иные съ горестью отверзли тяжки взоры,
И вспять водвиглися, и свой померкшій зракъ
Отъ блесковъ отвратя, взыскуютъ вѣчный мракъ;
Въ неистовствѣ бѣгутъ, терпя болѣзнь жестоку,
Отъ сѣвера на югъ, отъ запада къ востоку,
Отъ гнѣва Божія убѣжища прося;
Но бѣгство ихъ вотще – и всякая стезя
Приводитъ ихъ на казнь, хулящихъ дерзновенно.
Взываютъ къ пламени, чтобъ ихъ истнилъ мгновенно;
Къ бунтующимъ морямъ, чтобъ скрыли ихъ въ водахъ,
Къ скаламъ, чтобъ зинули, жалѣя ихъ въ бѣдахъ.
Бунтующи моря, изъ тайныхъ ихъ сокровищъ,
Рыгаютъ въ пагубѣ подобныхъ симъ чудовищъ;
Скалы, бѣгущихъ ихъ, глотаютъ на пути,
Чтобъ гнѣву Божию на жертву соблюсти.

А тѣ, которые къ Евангельскимъ урокамъ
Слухъ сердца приклонивъ, ругалися порокамъ,
Какъ морю бурному кремнистая скала,
Которыхъ твердости позыбнуть не могла
Ни прелесть красоты, ниже тиранства злоба,
Спокойно встаютъ изъ мирнаго ихъ гроба,

Увѣрены, что къ нимъ Богъ правды милосердъ:
Планеты низпадутъ – ихъ умъ на небѣ твердъ;
Трепещетъ нутрь земли – безтрепетны ихъ души;
Зіяютъ пропасти на морѣ и на суши,
Но не коснется имъ смятеніе и зло.
Безбѣдственны они – и ясное чело
На встрѣчу молніямъ возносятся безопасно;
Благословляютъ всѣ и мысленно и гласно,
Безсмертія разсвѣтъ, дня вѣчнаго зарю;
Косненій не терпя спѣшать предстать Царю,
И отъ щедротъ его таланты полученны
Ему же возвративъ, трудомъ ихъ приращенны,
Сподобиться награды какъ добрые рабы.

Се паки возшумѣлъ гласъ грозныя трубы,
И вихри бурные, въ пространствѣ поднебесной,
Взвились, понеслись – и силою чудесной
Сметають отъ земли и гонять въ океанъ,
И горы, и лѣса, и грады многихъ странъ,
И вдругъ отверзлося необозримо поле.
Туда, покорствуя Зиждителевой волѣ,
Стекается въ одно, какъ сонмы многихъ водъ,
Весь жившій иногда словесныхъ смертныхъ родъ:
Какое множество! Земля и воздухъ полны!
Не такъ тмочисленны въ моряхъ обширныхъ волны,
Листы дрожащія въ угрюмѣйшихъ лѣсахъ
И звѣзды блещущи на чистыхъ небесахъ.
Всѣ войска славныя, которыхъ по глаголу
Стояли царствія, или свергались долу,
И вся вселенная пустѣла, иль цвѣла,
Здѣсь всѣ теряются, тмы строевъ безъ числа,
Подобно какъ волна въ пучинѣ водъ безбрежной.

Терзается злодѣй предъ казнью неизбѣжной;
Ликуетъ праведникъ, судъ милости хваля;
Но Вышній далъ свой гласъ – бысть трепетна земля,
Онъ небо приклонилъ, грядетъ надъ облаками,
И тма его закровъ, и мраки подъ ногами;
Блистають молніи, и съ молніями дымъ
Багровою стѣнной предносится предъ нимъ;
Онъ взоромъ возсіялъ – сіяетъ видъ вселенной,
И слава Божія всей твари изумленной
Явилася во тмѣ сліянной изъ лучей;
Не смѣю я низвестъ мерцающихъ очей:
Се Солнце истинны! Се Слово въ Саваоѣ!
Младенецъ Виѳлеемскъ! Страдалецъ на Голгоѣ!
Сынъ человѣческой и Божій истый сынъ,
Создатель всяческихъ! Отъ Троицы единъ!
Нисходятъ небеса въ величествѣ ужасномъ,
И Боги въ торжествѣ, въ веселіи согласномъ,
Летятъ за Судіей всеильнымъ, всесвятымъ:

Одинъ изъ ихъ числа, криломъ своимъ златымъ,
Сметаегь солнцы въ низъ, какъ глыбы мрачны, черны,
Которыя пестрятъ сіянія безмѣрны
Небеснаго сего изъ празднествъ празднества.

Мятется долу адъ отъ свѣта Божества;
Вращаясь въ пропасти отъ края и до края,
И зѣвъ дымящійся широко растворяя,
Во чревѣ пламенемъ и жупеломъ горя,
Рыгаешь изъ себя кипящія моря,
И бури знойныя и тучи огненосны;
Скрежещегь, ощутивъ мученія несносны:
Но злобствуя еще, творецъ и жертва зла,
Алкаегь поглотить добычи безъ числа.

Но се Архистратигъ, свѣтящъ и быстръ, какъ пламя,
Взлетѣль – и распустилъ Спасителево знамя:
Волнуется оно, шумитъ отъ высоты,
То скроет, то явитъ, полнеба красоты;
Багряный блескъ креста очервленилъ природу,
Поля воспламенилъ, содѣлалъ кровью воду,
Зарями освѣтилъ вселенную до дна.
Взираютъ на него земныя племена;
И тѣ, которые подъ знаменемъ симъ славнымъ,
Собою немощны, съ оружіемъ неравнымъ,
Но чая въ небесахъ побѣднаго вѣнца,
Противу крѣпкаго сражались до конца,
Прошивъ самихъ себя сражались неослабно,
Тѣ, въ полномъ торжествѣ узрѣвъ сей знакъ внезапно,
Взыграли радостми – и къ славѣ восходя,
Возносятъ славою святого ихъ вождя.

А ты, развратный Міръ! Ругавшійся хулами,
И тмы грѣховныя продерзкими дѣлами,
Надъ таинствомъ креста, надъ чудомъ изъ чудесъ!
(Въ которое хотятъ приникнуть отъ небесъ
И сами Ангелы умомъ своимъ высокимъ;
Которое блажатъ смиреніемъ глубокимъ,
Зане невидимый Творецъ ихъ и Господь
Сталъ видимъ ихъ очамъ, одѣянь въ смертну плотъ,
И первенствомъ вознесъ надъ ними челоуѣковъ.)
Куда, чудовище избѣгнешь отъ упрековъ,
Отъ дивныхъ Истинны сіяній и лучей,
Перуновъ для тебя и ламенныхъ бичей?
Куда укроешься отъ совѣсти нещадной,
Которая какъ червь, тоскою безотрадной,
Грызетъ и будетъ грызть рабовъ твоихъ сердца?
О чада лживыя лжи всякія отца!
Участія вамъ нѣтъ во благодати Господней,
И ваша пагуба не дремлетъ въ преисподней;
Часть мщенія приспѣлъ, терзайтесь во вѣкъ!

Отъ Слова вѣчнаго глаголь уже истекъ,
И правые земли, во правдѣ вѣры тверды,
Жестокіе къ себѣ, но ближнимъ милосерды,
Торжественно грядутъ, любимцы Судіи,
Возсѣсть на царскія сѣдалища свои,
Хвалиться въ вѣчности преславною судьбою;
Измѣну сатаны вознаградивъ собою,
Дополнить праздня обители небесъ,
И вновь возжечъ лучи, которыхъ блескъ исчезъ;
Жить въ нѣдрахъ тишины оставивъ бурны грозы,
Безсмертной младости срывать въ Едемѣ розы,
И пить въ источникѣ отъ истины святой;
Отъ Солнца вѣчнаго блистая красотой,
Расти стяжаніемъ премудрости, блаженства
Не въ тускломъ отъ грѣха зеркалѣ естества,
Не въ таинствахъ писменъ – но въ лонѣ Божества.

Но гдѣ возму я гласъ для горести душевной?
Гдѣ слезы я возму, оплакать рокъ плачевной,
Отверженныхъ, увы! отъ Творческихъ щедротъ?
Громами раздалось проклятіе съ высотъ,
И вихремъ ихъ толпы на воздухъ восхищены
Свергаются стремглав, отчаянъемъ стягченны,
И Ангель ужасовъ, гремя за ними въ слѣдъ,
Разить и гонить ихъ въ жилище вѣчныхъ бѣдъ,
Гдѣ казни лютыя, гдѣ мщенія свирѣпы;
Низринулъ ихъ туда, и вѣчные заклёпы
Надъ ними укрѣпивъ, навѣкъ запечатлѣлъ;
И Гнѣву Божию оставивъ сей удѣлъ,
Направилъ къ Благости крилѣ свои поспѣшны.
Рыданіе, и плачь, и стоны безутѣшны
Во тмѣ узилища слышались вдругъ,
И въ гулахъ далеко разносятся вокругъ
По тмѣ объемлющей весь тартаръ безобразный.

Такъ жителей земли свершился жребій разный,
Въ награду ихъ добротъ, въ караніе ихъ злобъ.
Еще ударилъ громъ – и огненный потопъ,
Отъ узъ освободясь по вѣчному глагоду,
Отъ трона Божія, какъ буря мчится долу,
Бунтуетъ на землѣ, бунтуетъ подъ землей:
Пучины воскипѣвъ пылаютъ какъ елей,
Весь воздухъ зрится огонь, вся суша раскаленна,
Нашъ Богъ въ величїи, и въ пламени вселенна.
Но се, раждаются изъ пепла чудеса:
Я вижу новыя всесвѣтлы небеса,
Я вижу новую нетлѣющую землю,
Зрю блески радости, шумъ празднующихъ внемлю,
Оттолѣ изгнаны болѣзнь, и смерть, и грѣхъ,
Тамъ правда царствуетъ... Но зрѣлище угѣхъ

Завѣсой вѣчности внезапно прикровенно,
Какъ солнце тучею затмилось мгновенно
И вновь явилась ночь во славу надо мной.

Течетъ державная съ безмолвной тишиной,
Имѣюща луну свѣтильникомъ для странства,
Въ пучинѣ плаваѣ небеснаго пространства,
Дѣля кристальныя, ефирныя струи.
Свершаютъ правильно движенія свои,
Невмѣстныя числу, чуть блещущи свѣтилы.
Внизу вокругъ себя я вижу вновь могилы,
На кои сыплется свѣтъ блѣдный отъ небесъ
Сквозь влажны вѣтви чернѣющихъ древесъ,
По коимъ, какъ зефиръ межъ тѣнями и мглами,
Миръ кроткій носится нешумными крилами;
Миръ дышетъ на меня – я мирствую душой,
Сокрылись отъ моихъ взыскующихъ очей
Востока вѣчности видѣнія чудесны,
Но разумъ мой паритъ въ селенія небесны,
Оставивъ на землѣ дремать словесныхъ родъ.

О какъ витѣйственно блещитъ сей звѣздный сводъ!
Наставлень, вдохновень и преисполненъ Богомъ,
Высоки истинны гласитъ высокимъ слогомъ;
И гдѣ, въ обширности творенія всего,
И гдѣ не слышатся вѣщанія его?
Безмолвіемъ гремитъ, бесѣдою всемирной,
Поверхъ всея земли, надъ твердію сафирной;
Гремитъ и въ пропастьхъ подземной глубины.
Свѣтильники сіи небесныя страны,
Являютъ намъ Творца, въ могущество безмѣрнымъ,
И въ бездну Божества глубоко свѣтятъ смертнымъ:
Богъ духъ – и зрѣть его не можетъ тлѣнный взоръ,
Но видимъ мы его чудесъ сихъ зря соборъ:
Какая красота, величіе, устройство!
Все быстро движется и все хранитъ спокойство,
Безъ отдыха бѣжитъ – и нѣтъ въ пути преградъ.
Едва мы возведемъ на небо робкій взгядъ,
Почто Всесиліе срѣтаетъ насъ ничтожныхъ
Несчетностью чудесъ, лишь оному возможныхъ?
Чтобъ умъ нашъ возбудить, и всѣ разгнавъ мечты,
Къ Тому его возвестъ, который съ высоты
Спускаетъ къ намъ сіи сребристы цѣпи свѣта,
Да тѣми отъ суеты, отъ низкаго умета
Къ Себѣ насъ привлечетъ заботясь какъ отецъ,
И наши чистыя желанія сердець
Привяжетъ на всегда узломъ неразрѣшимымъ
Къ селеніямъ своимъ, безсмертными блажимымъ.
Вся твердь небесная не книга ли уму,
Которою Творецъ бесѣдуетъ къ нему
И учить мудрости всѣ вѣки и народы?

Взирая на лице полнощныя природы,
Не лзя не впросить: Чьихъ рукъ сіи дѣла?
Чья мышца сильная движеніе дала
Катящимся мірамъ, въ числѣ росѣ подобнымъ?
Кто глыбамъ вещества, вращаться неудобнымъ,
Громадамъ тягостнымъ далъ легкость, быстроту?
Кто мрачность ихъ облекъ въ блестящу лѣпоту?
Кто свѣтомъ заселилъ пустыни древней нощи?
Кто нѣдра пустоты, бездонные и тощи,
Наполнилъ солнцами для славы своея?
Кто призывалъ въ бытіе изъ тмы небытія
Всѣ оны чудеса – и всю сію вселенну
Повѣсилъ на ничемъ, какъ перлу драгоцѣнну
Къ престолу своему, къ подножію его?

О Буйство! Умудрись отъ зрѣлища сего;
Воззри на небеса и обратись, Безбожникъ!
Кто глыбамъ вещества, вращаться неудобнымъ,
Громадамъ тягостнымъ далъ легкость, быстроту?
Кто мрачность ихъ облекъ въ блестящу лѣпоту?
Кто свѣтомъ заселилъ пустыни древней нощи?
Кто нѣдра пустоты, бездонные и тощи,
Наполнилъ солнцами для славы своея?
Кто призывалъ въ бытіе изъ тмы небытія
Всѣ оны чудеса – и всю сію вселенну
Повѣсилъ на ничемъ, какъ перлу драгоцѣнну
Къ престолу своему, къ подножію его?

О Буйство! Умудрись отъ зрѣлища сего;
Воззри на небеса и обратись, Безбожникъ!
Художество узрѣвъ, познай что есть Художникъ,
И жертвуй Сильному смиреніемъ души;
Или затми всю твердь, всѣ звѣзды потуши,
Безмолвствовать вели вселенной вопіющей,
Въ твореніяхъ Творца хвалить непрестающей,
Взывающей во дни, и славящей въ ноци.

О Ночь! Которая, взявъ серебрянны ключи,
Полнеба отворивъ по сумракѣ уныломъ,
При свѣтѣ скрытые завистнымъ дня свѣтиломъ
Даруешь намъ узрѣть безчисленны міры!
Владыку мнѣ открой, чьи щедрые дары,
Чьи царски утвари, блестя на горнемъ сводѣ,
Съ такою пышностью являются природѣ,
Да падши поклонюсь всемірному Царю.
Къ нему я возношусь! Какъ быстро я парю!
Какъ малится земля, скрывается отъ взоровъ!
Превыше внутреннихъ воздушныхъ громкихъ споровъ,
Пушистыхъ снѣга гнѣздъ, исходища дождей,
Превыше огненныхъ, пылающихъ пещей,

Гдѣ молній и громовѣ сплавляются перуны,
Превыше тѣхъ пещерѣ, гдѣ бури дремлютъ юны
И ждуть растущихъ криль, и строятъ слабый гласъ
На оный грозный ревъ, который въ краткій часъ,
Позыблетъ, потрясетъ, подвигнетъ мѣръ порочный.
Взыскую отъ стихій, гдѣ кроется Всемощный,
Стихиі мнѣ даютъ молчаніе въ отвѣтъ.
Превыше возношусь блуждающихъ кометъ,
Трясущихъ, въ страхъ землѣ, огнистыми власами:
Въ эфирѣ вижу степь горящу чудесами,
Гдѣ Солнца вѣчнаго чермнуется заря,
Гдѣ Звѣзды, какъ пески, сверкая и горя,
Своими блесками величатъ славу Бога,
И все ихъ множество – лишь прагъ его чертога;
Но множеству ихъ нѣтъ извѣстнаго конца;
И гдѣ же жительство вселенныя Творца?
Но что мнѣ вопрошать? Едва ли то безгрѣшно!
Смирись, моя Душа! Во прахъ повергнись спѣшно,
И чти всемѣстное, близъ суще Божество.

Сіе чистѣйшее, святое Существо
Съ престола своего на землю приникая,
И взлядомъ обзрѣвъ вся дольняя благая,
Не видитъ ничего толь цѣннаго на ней,
Ниже толь славнаго межъ звѣздныхъ сихъ огней,
Какъ сердце чистое, смиренно, сокрушенно,
Величію его покоище священно,
Храмъ святости его, совмѣстный небесамъ.

Творецъ непостижимъ – и таинство Онъ самъ,
И всѣ его дѣла таинственны и чудны.
Великость ли его вмѣстится въ мысли скудны?
Единый изъ его безчисленныхъ лучей
Едва, едва стерпимъ для умственныхъ очей:
Безмѣрно возносясь превыше всѣхъ твореній,
Превыше выпреннихъ мечтанія пареній,
Особится единъ, неизреченный Онъ;
На правдѣ, на любви его почиетъ тронъ,
И доблести сіи, объявъ одна другую,
Хвалою превознося Премудрость всеблагую,
И сами удивясь союзу своему,
Гремятъ о ней всегда созданію всему.
Полнъ въ дѣйствіяхъ своихъ всевластныя свободы,
И маніе его – рожденіе природы,
И сѣнь его руки – природы твердый щитъ:
Ея рушеніе – его суровый видъ!
И адъ бунтующій – его прещенъемъ связанъ. –
Одѣянъ лѣпотой и силой препоясанъ,
Все сущее творить, творя свой произволь.
На все парящее Онъ смотритъ въ долъ и въ долъ,
И мѣритъ пядію безмѣрность, безконечность.

Онъ солнце благи – и день его, есть вѣчность.
Симъ Солнцемъ грѣся духовный мѣръ живетъ;
Предъ симъ, свѣтъ зримый – тма; предъ симъ, тма бездны – свѣтъ!

Но кто изъ созданныхъ сочтетъ его изрядства?
Премудрости его исчислить всѣ богатства?
Сокровища его раскроетъ естества?
Опишетъ Божество? – Се подвигъ Божества,
Ему единому удобный и возможный.

Сый, Бывый, Будущій! Прости, что прахъ ничтожный
О имени твоём, и страшном, и святомъ,
Дерзнулъ нѣмотствовать въ умѣ своемъ простомъ.
Тебѣ, котораго не могутъ пѣть достойно
И лики Ангеловъ, поющи дивностройно,
Отъ насъ и самая высокая хвала,
(Толико низки мы) едва ли не хула.
Молчалъ бы мой языкъ, могиламъ симъ подобно,
Когда бы не Господь, призрѣвъ благоутробно,
Даль слово своему смиренному рабу.
Ты, сердца моего внявъ громкую мольбу,
Усердіе пріялъ въ лишеніи искусства;
Ты гласъ мой укрѣпилъ, очистилъ мысли, чувства,
Ущедрилъ нищету моихъ душевныхъ силъ;
Ты ноцію меня, Свѣтъ вѣчный, посѣтилъ
И пѣсни даль моей крилъ высокопарны,
Вселенной прелетѣть предѣлы огнезарны,
Сквозь вѣки пронестись на край времени и лѣтъ,
На онъ полъ времени направить свой полетъ,
Собрать и провѣщать тѣ истинны священны,
Отъ коихъ познають умы неразвращенны,
Безсмертное прозрѣвъ по смерти бытіе,
Въ семь свойствъ Божества участіе свое,
Свой долгъ между живыхъ, свой жребій за гробами,
И въ прахъ смиряются предъ вѣчными судьбами!
Богъ сердца моего! Благій! Благоволи,
Да пѣснь сію къ Тебѣ возславшій отъ земли,
Свершивъ ко смерти путь на поприщѣ терновомъ,
Да внидетъ въ твой покой – и тамъ, въ Сіонѣ новомъ,
Сіяніемъ твоимъ проникнуть и объять,
Въ соборѣ Ангеловъ воскликнетъ: Святъ! Святъ! Святъ!

КОНЕЦЪ.